

Часть первая

1

Мысль эта у меня забрезжила в тот день, когда я получил свой новенький зубной протез.

Отлично помнится денек. Четверть восьмого я привычно выскочил из постели и успел вовремя закрыться в ванной от детей. Скотское январское утро хмурилось грязно-бурым небом. Через оконце ванной можно было сверху обозревать маленький, пять на десять ярдов, обсаженный кустами бирючины травяной прямоугольник с плешью посередине — «садик», как это у нас называется. Такие же садочки, те же кусты бирючины, та же трава позади всех домов на Элзмир-роуд. Одно различие: где детей нет, там плешь не вытоптана.

Пока набиралась ванна, я исхитрился брить щетину старым, затупившимся лезвием. Из зеркала глядело мое лицо, а ниже, на полочке, в стакане с водой лежали зубы для этого лица. Временная модель, которую дантист Уорнер дал мне носить до окончания работ над новой челюстью. Ну, лицом я не так уж плох: румяная, с кирпичным колером физиономия из тех, что в ансамбле с парой голубоватых глаз и блондинистой шевелюрой. Слава-те господи, ни седины еще, ни лысины, так

что, когда зубы во рту, выгляжу вроде бы и помоложе своих сорока пяти.

Пометив в уме купить лезвий, я залез в ванну, начал мылиться. Намылил руки (они у меня такие, знаете, в веснушках до локтя), потом спинную щетку с ручкой взял тереть лопатки, их иначе-то никак. Вот горе горькое: прибавилось на теле мест, куда не дотянуться. Честно сказать, в полноту меня повело. Нет, я не то чтоб диво балаганное. Вес у меня всего фунтов под двести, а вокруг талии последний раз измерил — сорок восемь дюймов, ну, может, сорок девять, уж не помню. И не противный я, не «дико разжиревший», живот до колен не свисает. Просто я так это, широковат слегка, объемистый. Знаете плотных резвых толстяков, бойких симпатяг, которых награждают прозвищем Толстун или Бочонок, которые всегда и везде душа общества? Так вот вам я. Меня обычно называют Толстуном: Толстун Боулинг. А по настоящему я Джордж, Джордж Боулинг.

Хотя тогда вот, в ванной, настроения не имелось общество веселить. Вообще подумалось, что вечно я теперь с утра не в духе, хотя сплю хорошо, желудок в норме. Ясно, конечно, почему — проклятые вставные зубы. Лежали на дне стакана и, увеличенные сквозь воду, скалились, как в черепе. Паршиво чувствуешь себя, сомкнув голые десны, — весь ты какой-то смятый, скукоженный, будто кислого яблока куснул. И потом, что ни говори, искусственная челюсть — рубеж. Как удалят тебе последний зуб, так больше себя не надуешь,

не почувешь красавцем, шейхом голливудским. Оброс салом, и сорок пять годков. Собравшись ноги намылить, осмотрел я свои телеса. Это все ерунда, что толстякам ступней собственных не увидеть, однако же я, если прямо встану, то вижу только пальцы ног. Мылю я свой живот и думаю: да никто из бабенок на тебя бесплатно лишний раз не глянет. И не особо, доложу вам, в тот момент я жаждал женских взглядов.

Но что кольнуло — этим утром, казалось бы, мне точно радоваться. Во-первых, на службу не идти. Старый автомобиль, в котором я «окучиваю» свой участок (тружусь по части страхового бизнеса, агент «Крылатой саламандры»: жизнь, пожар, кража, кораблекрушение, двойняшки — страхуем все), этот автомобиль мой временно на ремонте, и хоть я собирался зайти в лондонский офис скинуть очередные бумаженции, но на сегодня отпросился, чтобы покончить с новыми зубами у дантиста. Ну и еще штука, насчет которой я уже просто голову сломал. Вы понимаете, вдруг привалило мне семнадцать фунтов, о которых никто не в курсе, то есть дома у меня никто. Откуда, сейчас расскажу. Парень один из нашей фирмы, Мэллорс, раздобыл книжку «Астрология и скачки» с объяснением, как разгадать влияние планет по цветам на жокейской форме. А где-то там как раз должна была бежать Пиратская Невеста, лошадка неважнецкая, зато жокей в зеленом, в том именно цвете, который по звездам тогда самый счастливый. Мэллорс, прямо свихнувшись со своей астрологией, несколько фунтов на эту лошадь

ставит и меня чуть не в слезах умоляет, чтобы я тоже. Так он приставал, что я в конце концов, против обычных моих правил, рискнул, поставил десять шиллингов. И ведь дотрюхала Пиратская Невеста первой к финишу. Забыл точный расклад по ставкам, но мне лично досталось семнадцать фунтов. Я как-то инстинктивно — сам от себя не ожидал: наверно, тоже житейский рубеж — денежки тут же в банк и ни гугу. Раньше такого со мной не бывало. Хороший муж и отец купил бы платье Хильде (Хильда — моя супруга), ботинки детям. Но я пятнадцать лет прожил хорошим мужем и отцом, уже по горло.

Намылившись от головы до пят и немного ожив, я сел в ванну поразмышлять насчет значки — на что тратить. То ли, думаю, в уик-энд гулнуть с подружкой, то ли тихонечко транжирить на радости вроде сигар, двойных стаканчиков. Прикидывая насчет женщин и сигар, только я пустил воду погорячей, как по ступенькам перед ванной топот бизоньих стад. Детишки прибыли! Двое ребят в доме размером с наш — это как пинта пива в полпинтовой кружке. По двери барабанный грохот с воплем:

- Папулечка, пусти, мне надо!
- Обождешь! Нельзя сюда.
- Ну пап, ну срочно!
- Срочно брысь от двери. Дай принять ванну.
- Папу-у-ля! Мне на-а-до! Мне надо кой-куда!

Что тут поделаешь! Сигнал тревожный. Как полагается в таких домах, клозет у нас, конечно, вместе с ванной. Я вытащил сливную пробку, на-

скоро обтерся, и, едва открыл дверь, малыш Билли — мой младший, семи лет — пулей пронесся внутрь, на ходу ловко увернувшись от подзатыльника. Я уже полностью оделся, искал галстук, когда обнаружил, что мыло-то с шеи не смыл.

Жуткое дело — засохшее мыло на шее. Ходишь, будто клеем обмазанный, причем, если не смыть, до вечера будет казаться, что весь ты в этой пакости. Настроение испортилось, вниз я пошел, готовый никому не спускать.

Столовая у нас, как у всех остальных на Элмир-роуд, комнатенка футов двенадцать на четырнадцать, а то и меньше, в основном загроможденная японским дубовым буфетом с парой пустых графинов и серебряной подставкой для яиц, подарком тещи нам на свадьбу. Жenuшка угрюмо возилась около заварочного чайника, как всегда полная тревог и страхов, потому что в «Новостях» объявили насчет повышения цен на масло или еще чего-то. Духовку она не зажгла, так что, хоть окна были наглухо закрыты, стоял зверский холод. Нагнувшись, громко засопев (мне теперь без сопения не нагнуться), я с довольно явным намеком чиркнул спичкой и зажег газ. Хильда искоса метнула взгляд, которым она выражает недоумение от моей нелепости.

Хильде тридцать девять, в начале нашего знакомства выглядела она — точь-в-точь заяц. Такая и сейчас, только совсем худющая, подсохла, в глазах вечный испуг, вечное беспокойство, а если вконец расстроена, плечи горбом и руки скрестит на груди, как старая цыганка у костра. Она из тех,

кого жизнь пришибает предчувствием грозящих бед. Мелких бед, разумеется. До войн, землетрясений, эпидемий, голода и революций ей никакого дела нет. Причитания у нее — масло дорожает, газовый счет огромный, обувь детская сносилась, опять подходит срок за радио в рассрочку. Со временем я понял: ей это прямо сласть — скрестивши руки на груди, раскачиваться и нудить: «Джордж, это же очень серьезно! Ума не приложу, что делать! Где взять денег? Ты, видимо, не понимаешь, как это серьезно!» В голове ее крепко засело, что кончим мы в работном доме. Между прочим, если мы впрямь докатимся, ей будет там раз в сто легче, чем мне, — наверно, даже испытает удовольствие от полной безопасности.

Дети уже были внизу, успев молниеносно вымыться и одеться, что им удается всегда, когда нет случая томить кого-нибудь за дверью ванной. Пока я садился к столу, они тягуче препирались: «Дада, ты!» — «Нет, не я!» — «Ты!» — «Нет, не я!» И могли все утро тянуть эту волюнку, если б я не велел немедленно захлопнуть рты. У нас лишь двое: семилетний Билли и Лорна, ей одиннадцать. Чувство мое к ним специфическое. Частенько я даже их вид едва терплю. А разговоры их вообще невыносимы. Они в той скучной поре младших школьников, когда все мысли крутятся вокруг линеек, пеналов и у кого лучше отметки по французскому. Но иногда, особенно когда они уснут, во мне совсем другое. Бывало, что я стоял возле их кроваток летними лунными ночами, смотрел на них, спящих, на их круглые рожицы, кудельки еще свет-

лей моих и ощущал что-то такое, про что в Библии говорится «взволновалась... внутренность... от жалости к сыну своему»¹. В подобные минуты я себя чувствую как сухой стручок с семенами, который сам пенса не стоит, нужен лишь затем, чтобы вот этих малявок на свет пустить, прокормить, вырастить. Ну, это изредка. Обычно-то свое отдельное существование видится мне довольно стоящим, я чувствую, что есть еще силенки и еще много светит впереди, и роль покорной загнанной скотины, дойной коровы для супружницы и ребятшек меня не манит.

Завтрак прошел в почти полном молчании. Хильду грызло ее всегдашнее «ума не приложу, что делать!», отчасти из-за новых цен на масло, отчасти потому, что кончались рождественские каникулы, а мы еще не уплатили пять фунтов за прошлый школьный семестр. Съев яйцо всмятку, я намазал хлеб «Царским золотым мармеладом». Хильда жметя с провизией, покупает дешевку вроде этой: пяток пенсов за фунт, на этикетке самым мелким шрифтом, что продукт утвержденный, «с добавлением нейтральных фруктовых соков». Тут меня стало разбирать, я довольно ехидно, как иногда умею, начал насчет того, где ж их выращивают, эти самые «нейтральные фрукты», в каких таких удивительных странах, что за плоды чудесные и прочее, пока Хильда не разозлилась. Не остроумие мое сочла тупым, просто ей всегда кажутся грехом насмешки над экономией.

¹ Неточная цитата: см. Третью книгу Царств, 3: 26.

Я просмотрел газету — ничего новенького. От Испании до Китая люди крошат друг друга, на вокзале нашли отрезанные женские ноги, свадьба короля Зога¹ может не состояться. Наконец, часов в десять, раньше, чем собирался, я вышел из дому. Дети убежали играть в городской сад. На крыльце мерзко дохнуло сыростью, порыв ветра хлестнул по голой шее в засохшем мыле, мигом дав ощутить, что одет я не по погоде и весь покрыт гнуснейшей липкой коркой.

¹ Ахмет Зогу (1895–1961) — в 1928–1939 гг. король Албании.

2

Бывали вы на моей Элзмир-роуд в Западном Блэчли? Да хоть и не бывали, наверняка видели десятки точно таких же.

Все эти наводящие тоску улицы ближних и дальних пригородов. Везде как под копирку. Длиннющие ряды однообразных сдвоенных домишек¹ (по Элзмир-роуд их числится 212, наш — номер 191), уныло, словно по шаблону казенных строений, и вообще безобразно. Оштукатуренный фасад, пропитанная антисептиком калитка, изгородь из бирючины, зеленая входная дверь. Названия жилищ на табличках либо «Кущи боярышника», «Лавровые рощи», «Цветущий мирт», либо «Бель вю», «Мон абри», «Мон репо»². Не чаще одного раза на полсотни домов встретится такой наглый вызов обществу, который демонстрирует субъект (кончит наверняка в работном доме), покрасивший входную дверь не зеленой, а синей краской.

¹ Типичный для небогатых жилых районов дом на две семьи, с общей задней стеной и выходами на разные стороны.

² «Belle vue», «Mon abri», «Mon repos» — «Чудесный вид», «Приют души», «Мое отдохновение» (*фр.*).

Ощущение липкой гадости на шее меня буквально деморализовало. Интересно, как эта штука может опустить. Весь гонор вышибает, будто оказался вдруг на людях с оторванной подметкой. В то утро виделся я себе без прикрас. Словно со стороны глядел на самого себя, идущего по улице, — толстого, красномордого, с фальшивыми зубами, скверно и вульгарно одетого. Джентльменом такому малому не притвориться. За двести ярдов видно, чем я занимаюсь, — то есть не в точности страховками, но явно чем-нибудь торгую, что-то рекламирую. На мне же просто униформа нашего племени: слегка потертый серый костюм «в елочку», синее пальто за пятьдесят шиллингов, котелок, перчаток нет. И стиль у меня, как у всех, имеющих процент с продажи, развязный, пошлый. В лучшие минуты, когда я выходной костюм надену и сигару закурю, меня можно причислить к букмекерам или владельцам баров, а в худшие — к тем, кто таскается по домам и навязывает пылесосы, но обычно оцените вы меня правильно. Едва взглянув, скажете: «Выколачивает парень свои пять — десять фунтов в неделю». Материально и социально я, так сказать, типичный представитель Элмир-роуд.

Шел я по улице фактически один. Мужчины успели уехать поездом 8.21, женщины тормозились возле плит. А когда есть время пройтись по этим ближне-дальним пригородам и настроение есть поразмышлять, так просто смех берет насчет всей здешней жизни. Ну правда, что это, в конце

концов, такое — улица вроде Элзмир-роуд? Тюрьма, тюремный коридор с рядами камер. Шеренга сдвоенных полуотдельных казематов, в каждом из которых дрожит, трясется бедолага «от-пяти-до-десяти-фунтов-в-неделю», чьи жилы тянет палач-босс, на чьей шее сидит супруга-ведьма, чью кровь высасывают деточки-пиявки. Все это хрень насчет страданий пролетариев. Я лично не особо их жалею. Скажите, попался вам когда-нибудь черно-рабочий, что ночами не спит — боится увольнения? Страдает работяга физически, зато оттрубил смену — и свободен. Но в каждом из здешних отсеков горемыка, который не бывает свободным никогда и лишь в коротких снах мечтает о том, как скинет босса в шахту и завалит тонной угля.

Конечно, рассуждаю я сам с собой, кошмарный вывих нашего сословия, что мы воображаем себя владельцами чего-то очень ценного. Ведь девять из десяти на Элзмир-роуд в уверенности, что дома, где они проживают, их собственность. Хотя и наша улица, и весь квартал до Хай-стрит целиком в бандитских лапах домовладельческого общества «Сад Гесперид», принадлежащего строительной компании «Щедрый кредит». Вот эти «щедрые кредиты», надо думать, умнейший современный рэкет. И мое страхование, я признаю, чистое надувательство, но надувательство простое, откровенное. А шик таких строительных компаний — околпачить, убедив жертву в оказанном ей величайшем благодеянии. Вы ее палкой по хребту, а она ручку вашу лижет. Я бы увековечил «Гесперид» и всю эту систему монументом особого божества.

Дивный вышел бы идол, среди прочего — гермафродит. Верх до пояса — генеральный директор фирмы, низ — родная милая женушка. В одной руке у идолица был бы ключ (от рабочего дома, разумеется), в другой этот... ну как его? кривой кулек со всякими подарками?.. Ага, рог изобилия, откуда фонтаном страховки, радиоприемники, вставные челюсти, пилюли, презервативы и садовые катки.

Дело ведь в том, что и внеся последний взнос за наше жилье на Элзмир-роуд, мы не становимся его хозяевами. Это ж не истинная собственность, фактически — аренда. Причем в домах такого класса, если за наличность, наша площадь идет примерно по триста восемьдесят, ну а с рассрочкой на шестнадцать лет цену поставили пятьсот пятьдесят. Сто семьдесят сразу в чистую прибыль «Щедрого кредита», который, уж будьте уверены, имеет с нас гораздо больше. В цену по триста восемьдесят входит и доход строителей, но наш «Щедрый кредит» под вывеской «Уилсон и Блум» сам строит и себе гребет. Тогда один расход — материалы, но тут опять-таки барыш, поскольку с вывеской «Брукс и Скаттерби» фирма сама себе продает кирпич, плитку, двери, рамы, песок, цемент, да и стекло, наверное. Меня б не слишком удивило, что под очередным названием ребята сами себе поставляют даже пиленый лес для оконных и дверных коробок. А в придачу (и это нас прямо сразило, хотя уж тут-то можно было предугадать) «Щедрый кредит» не обнаружил склонности блюсти чистоту сделки. Жилье по Элзмир-роуд

возвели, оставив кой-какие участки пустыми, — не бог весть какая красота, зато детишкам хорошо, есть где побегать, на этих самых «плановых лугах». В бумагах не значилось, но всегда подразумевалось, что луга так лугами и останутся. Однако же пригород Западный Блэчли развивался: в 1928-м тут запустили фабрику «Повидла Ротвелла», в 1933-м — англо-американский завод цельностальных велосипедов, — а население прибывало, арендная плата повышалась. Никогда не имел счастья лицезреть во плоти ни сэра Герберта Крама, ни кого другого из шишек «Щедрого кредита», но так и вижу слюнки на их губах. Короче, вдруг явились землекопы и началась застройка луговых участков. В «Садах Гесперид» горестно взвыли, немедленно была учреждена ассоциация защиты дольщиков жилья — куда там! Адвокаты Крама в пять минут нас расколошматили, на «плановых лугах» выросли здания. Действительно красиво нас обвели, и не откажешь — по заслугам старому Краму титул баронета, умен, собака. Одним мифом, одной только иллюзией, что мы живем в своих домах, имеем, так сказать, «свой пай в стране», обращены мы, олухи несчастные из «Садов Гесперид» и прочих подобных ловушек, в вечных и верных рабов Крама. Ну как же, господа «почтенные домовладельцы» — то бишь все поголовно услужливые подлипалы-консерваторы. О нет, нельзя резать гусыню, несущую золотые яйца! А факт, что никакие мы на деле не домовладельцы, что мы вообще еще на середине выплат и замучены постоянным страхом каких-то бед, каких-нибудь помех

очередным взносам, так этот факт лишь увеличивает наш рабский энтузиазм. Куплены с потрохами, и, главное, куплены за свои же кровные денежки. Каждый болван, рвущий кишки, дабы вдвойне оплатить эту кирпичную халупу и называющий ее «Прелестный вид», поскольку тут как раз ни вида, ни тем более прелести, каждый жизни не пощадит в бою, спасая родину от большевизма.

Свернув с Уолпол-роуд, я пошел по Главной улице. Поезд на Лондон был теперь в 10.14. Возле «Тысячи мелочей» припомнилось, что утром я наметил купить бритвенных лезвий. У прилавка с мылом заведующий отделом, или как там его по чину, распекал продавщицу. В такой час покупателей всякой дешевой ерунды немного. Если войти сразу после открытия, так иной раз увидишь всех девиц, выстроенных в ряд и получающих утренний нагоняй лишь для порядка, для рабочей формы на день. Говорят, торговые сети держат таких специальных парней с полномочиями издеваться и оскорблять, которых посылают по магазинам взбадривать девичьи коллективы. Заведующий был злобным недомерком, плечи квадратные и пикки седых усов. Он только что атаковал растяпу за провинность — видимо, за какую-то ошибку в сдаче — и зудел будто циркулярная пила:

— Нет-нет! Правильно сосчитать вам в тягость! Нет уж, не станете вы — *правильно*. Это ж какой труд, надорваться можно! Да ни за что!

Не удержавшись, я взглянул на продавщицу. Малоприятны ей были сейчас, когда ее песочили, взгляды немолодого толстяка с багровой мордой.

Оруэлл Дж.

О 71 Глотнуть воздуха : роман / Джордж Оруэлл ; пер. с англ. В. Домитеевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22508-4

Имя Джорджа Оруэлла (1903–1950) прославила антиутопия «1984», однако писал он и более традиционную психологическую прозу. Герой романа «Глотнуть воздуха» (1939) — страховый агент Джордж Боулинг, сорока пяти лет от роду, самый обычный человек. Но Первая мировая расколола его жизнь на две части — до и после. Провинциальное детство, с его маленькими радостями вроде рыбалки, осталось далеко позади. «Кем бы я стал, не разразись война? Не знаю, но уж не таким, как получилось. Если человек чудом выживал на этой бойне, в мыслях у него обязательно начиналось брожение». И вот на очередном сломе времен, в предчувствии новой войны, Джорджу Боулингу нестерпимо захотелось побывать у заветного пруда, в котором, как ему помнится, полно невероятно крупной рыбы...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ
ГЛОТНУТЬ ВОЗДУХА

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ольга Золотова, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.01.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4 000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-31485-01-R